

Холодная вода озера заполнила салон машины и проникла в рот и нос Е Чжицю.

Последние силы были на исходе, Е Чжицю с сожалением посмотрел на застрявшую правую ногу, затем перестал сопротивляться и, собрав все силы, поднял глаза к поверхности озера, которая становилась все дальше.

Он хорошо понимал, что никто не придет его спасать.

Вокруг озера велись строительные работы, и здесь редко кто-то появлялся.

Если бы он не был так расстроен после подписания соглашения о разводе с Ци Синем, то не попал бы случайно на эту дорогу.

Наверное, это последний раз, когда он видит свет, подумал Е Чжицю...

Он не сводил глаз с водной глади, на которой солнечный свет играл ослепительными серебряными бликами, и даже фраза Ци Синя, которая все это время звучала у него в голове, стала далекой и неразборчивой.

— Он устал, — безэмоционально сказал ему Ци Синь за обеденным столом, — я хочу дать ему семью.

Видя, что Е Чжицю долго молчит, он не стал больше терпеть:

— Давай разведемся.

Теперь, когда они развелись, и так называемая «семья» давно отреклась от него...

Небо было к нему благосклонно, впервые с рождения у него появился шанс стать самим собой.

С самоиронией изогнув уголки губ, Е Чжицю выпустил изо рта цепочку маленьких пузырьков.

Прошедшие тридцать лет его жизни в этот момент словно превратились в короткометражный фильм, разделившись на множество пузырьков.

Камера быстро отдалялась, показывая кадр за кадром, и все они были наполнены кровавыми расчетами и болью.

Как в театре, где один актёр сменяет другого, жизнь Е Чжицю, полная злонамеренных манипуляций и интриг, вновь предстала перед его глазами во всей своей неприглядности.

Светлое пятно на поверхности озера становилось всё дальше и меньше, и он больше не мог бороться. Ресницы, словно весящие тысячу цзиней, медленно опустились, и он погрузился в безграничную тьму.

Яркие огни, оглушительная музыка. Разноцветные диско-шары бешено вращались в такт музыке, освещая мужчин и женщин, танцующих в тесных объятиях на танцполе.

Зажигательная мелодия, призванная разжечь эмоции, звучала особенно энергично, и даже несмотря на то, что кабинка находилась не так уж близко к танцполу, всё равно было довольно шумно.

В полудрёме Е Чжицю чувствовал только жар и шум. Он раздражённо потянул за воротник и вдруг услышал, как рядом кто-то шепчется.

— Слышал, что занявший второе место на этом Международном конкурсе модельеров очень известен во Франции. Мир моды считает его самым перспективным молодым дизайнером за последние тридцать лет. Он приехал сюда с полной уверенностью в победе, но не ожидал, что его обойдёт Сяо Цю.

— Наш брат Цю — это наш брат Цю! Как только он стал чемпионом, предложения от крупных отечественных и зарубежных брендов посыпались как из рога изобилия. Теперь он, по крайней мере, может быть уверен в завтрашнем дне, — сказал другой голос.

— А когда он не был уверен в завтрашнем дне? Кто из нас живёт так же беззаботно, как он? — усмехнулся первый голос. — Это ты, молодой, о многом задумываешься.

— Беззаботно? — второй голос повысился, в нём послышались нотки гнева. — Если бы ему было так беззаботно, разве стали бы о нём так говорить на торжественном ужине? И я выяснил, что это был не первый раз.

Это похоже на...

...разговор Ли Шаоцзюня и Цзинь Баобао в клубе в тот день, когда ему было девятнадцать лет, и он выиграл Международный конкурс модельеров и стал чемпионом, а потом был торжественный ужин?

Сердце Е Чжицю ёкнуло, но он не осмелился открыть глаза. Он боялся, что как только он откроет их, всё это превратится в иллюзорный пузырь, который мгновенно лопнет.

Неизвестно с каких пор из-за Ци Синя он начал постепенно отдаляться от своих друзей. Он уже и не помнил, как давно не видел, как Цзинь Баобао и Ли Шаоцзюнь препираются и что-то оживлённо обсуждают.

Что же касается «пересудов» о нём, которые упомянул Ли Шаоцзюнь...

...то их Ли Шаоцзюнь случайно услышал на деловом банкете, когда забирал свою мать, за несколько дней до торжественного ужина.

Е Чжицю не знал подробностей, он знал только, что эти пересуды возникли из-за нескольких слов, сказанных его мачехой Тао Жоцин как бы невзначай.

Е Чжицю потерял родную мать ещё в младенчестве, его вырастила Тао Жоцин. Хотя она и была мачехой, но всегда баловала его, даже больше, чем своих двух родных детей.

Как «мачеха», Тао Жоцин была практически безупречна, как в семье, так и на людях.

Естественно, Е Чжицю относился к ней как к родной матери, и отношения между ними всегда были очень близкими. Поэтому, когда он впервые узнал об этом, то просто отмахнулся. Он решил, что это всего лишь невинная случайность, оговорка Тао Жоцин.

В юности Е Чжицю был избалованным и своенравным, но очень любил свою семью. И в тот день, из-за того, что Ли Шаоцзюнь «оклеветал» Тао Жоцин, он, не колеблясь, выгнал его с этой небольшой дружеской встречи.

Какой же он был...

Е Чжицю вдруг захотелось рассмеяться, но глаза невольно защипало от слёз.

Он защищал свою мачеху, своих братьев и даже позже Ци Синя...

И что в итоге?

Они же его и обвели вокруг пальца, выжали из него все соки.

А эти двое перед ним когда-то изо всех сил пытались вытащить его из этого болота.

Е Чжицю сосредоточился, жадно ловя голоса друзей из множества звуков.

Ведь такие драгоценные моменты могут исчезнуть в мгновение ока, и это, возможно, был последний раз, когда он мог слышать их голоса. Он хотел послушать их ещё немного.

Даже если это были Цзинь Баобао и Ли Шаоцзюнь десять лет назад, даже если их голоса ещё звучали немного по-детски.

Он всё равно слушал очень внимательно.

Пока не раздался ещё один голос.

— Говорю вам, потише, — голос этого человека был спокойным и ровным, не таким болтливym, как у друзей. — Сяо Цю больше всего не любит, когда говорят о его семье. В прошлый раз он ведь даже дяде не дал спуска? Вдруг...

Это был Тан Лэ.

Е Чжицю невольно распахнул глаза и встретился с ним взглядом.

Свет в кабинке был на самом деле очень мягким, но парню всё равно пришлось снова зажмуриться.

А Тан Лэ напротив застыл с открытым ртом: в тот момент взгляд парня был таким холодным и острым, словно лезвие ножа. Он инстинктивно отвёл взгляд, и даже дыхание его почти остановилось. Когда он пришёл в себя, то обнаружил, что Е Чжицю снова закрыл глаза, как будто всё это ему просто показалось.

Свет в кабинке был тусклым, Тан Лэ тихонько вздохнул с облегчением, возможно, ему действительно показалось.

Но как только эта мысль промелькнула у него в голове, Е Чжицю снова открыл глаза.

Только на этот раз он не смотрел на него.

Е Чжицю смотрел на Цзинь Баобао и Ли Шаоцзюня, очень серьёзно, очень внимательно. И в его глазах больше не было прежней резкости и холодности, они стали очень нежными и тоскующими.

Е Чжицю был очень красив, особенно его глаза — светло-карие с лёгким серым оттенком, необыкновенно глубокие и красивые, когда он смотрел на кого-то внимательно, они казались очень чувственными, говорящими. В то же время у него были узкие, слегка вздернутые глаза, поэтому, когда он злился, в них естественным образом проскальзывала очаровательная надменность.

Но ни прежняя холодность и резкость, ни нынешняя нежность и задумчивость не были знакомы Тан Лэ.

Е Чжицю всегда был беззаботным, ярким, как прозрачное озеро, которое можно было посмотреть насквозь, а не таким, как сейчас, непостижимым.

Но прежде чем Тан Лэ успел задуматься, Цзинь Баобао уже заметил, что Е Чжицю проснулся.

<http://bllate.org/book/14243/1257997>